http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

УДК 902
DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-152-166

Всеволод Игоревич Лясович,
Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального Исследовательского центра Российской академии наук (г. Уфа, Россия),
e-mail: vsevolodlyasovich@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0003-4747-0926

Погребения с вооружением и конской уздой Юлдашевского могильника в лесостепи Южного Приуралья

Изучение особенностей вооружения пьяноборских племён – актуальное направление современной археологической науки. Цель данной статьи – выделение и последующий анализ наборов вооружения мужских погребений Юлдашевского могильника пьяноборской археологической культуры эпохи раннего железа. Проблема исследования состоит в реконструкции характера военной культуры одной из локальных групп пьяноборского общества. Новизна работы заключается в том, что совокупность предметов вооружения в погребении – оружейный набор – рассматривается в рамках одного конкретного памятника археологии, а не в целом по указанной культуре. Юлдашевский могильник относится к одному из некрополей пьяноборской культуры, где отмечено повышенное содержание оружия. Встречаемость, а также сочетание определённого вида оружия в погребальном инвентаре позволяют выделить оружейные наборы, а также обозначить популярные виды вооружения среди конкретной группы пьяноборского населения. Применяя сравнительно-исторический метод, а также метод статистики и хронологии, удалось заострить внимание на количестве оружейных наборов, их наполняемости предметами вооружения, временных рамках некоторых экземпляров оружия, и его схожести с кара-абызским набором вооружения. Как и кара-абызская, пьяноборская культура унаследовала характерный ещё для ананьинского времени набор вооружения. Его непременными атрибутами являются: а) древковое оружие в виде копий с небольшими наконечниками; б) наконечники стрел из разного материала – бронзы, железа и кости, с доминированием последней в колчанных наборах; в) длинные однолезвийные клинки – боевые ножи. Несмотря на относительную близость ареала обитания пьяноборских племён с сарматским миром, последний не оказывал существенного влияния на комплекс вооружения пьяноборских племён. Более того, в пьяноборской среде сформировался свой стандартизированный оружейный набор, представленный различными вариациями взаимовстречаемости лука, копья и боевого ножа.

Ключевые слова: пьяноборская археологическая культура, вооружение, могильник, воинские погребения, ранний железный век, Юлдашевский могильник, южный Урал

Vsevolod I. Lyasovich,
Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Center, Russian Academy of Sciences (Ufa, Russia),
e-mail: vsevolodlyasovich@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0003-4747-0926

Burials with Weapons and Horse Bridle of Yuldashevsky Burial Ground in the South Ural Region

The study of the peculiarities of the armament of the Pianobor tribes is an urgent direction of modern archaeological science. The purpose of this article is to isolate and then analyze the sets of weapons for the male burials of the Yuldashevsky burial ground of the Pyanobor archaeological culture of the Early Iron Age. The problem of the study is to reconstruct the nature of the military culture of one local group in the Pianobor society. The novelty of the work is the fact that the totality of weapons in the burial, the weapon set, is considered within the framework of one specific archaeological monument, and not as a whole in terms of culture.The Yuldashevsky burial ground belongs to one of the necropolises of the Pianobor culture, where an increased content of weapons is noted. The occurrence as well as the combination of a certain type of weapon in the burial inventory makes it possible to distinguish weapon sets, as well as to designate popular types of weapons among a specific group of the drunken population. Applying the comparative-historical method, including the method of statistics and chronology, it was possible to focus on the number of weapon sets, their filling with weapons, the time frame of some weapons, and its similarity with the Kara-Abyz set of weapons. As well as the Kara-Abyz, the Pianobor culture inherited a set of weapons characteristics of the Ananyin time. Its indispensable attributes are: a) polearms in the form of spears with small points; b) arrowheads made of

© Лясович В. И., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

different materials – bronze, iron and bone, with the domination of the latter in quiver sets; c) long single-edged blades – combat knives. Despite the relative proximity of the habitat of the Pianobor tribes to the Sarmatian world, the latter did not have a significant impact on the armament complex of the Pyanobor tribes. Moreover, in the drunken environment, its own standardized weapon set was formed, represented by various variations in the mutual occurrence of a bow, spear and a combat knife.

Keywords: Pianobor archaeological culture, weapons, burial ground, military burials, early Iron Age, Yuldashevsky burial ground, southern Urals

Введение. Реконструкция особенностей военного дела культур постаньинского времени давно привлекает внимание исследователей. Почти 40 лет назад В. А. Ивановым была написана первая и пока единственная монография оружиеведческой направленности, где обозначен ряд важных фактов, приближающих нас к общему пониманию военной культуры, в том числе и пьяноборских племён: 1) едва ли не единственным видом вооружения у пьяноборцев является лук со стрелами; 2) вооружение пьяноборских мужчин было весьма разнообразным и хаотичным [1, с. 74]. Эти два положения – одни из тех, которые иллюстрируют военную культуру пьяноборского общества.

Теоретические разработки В. А. Иванова о военном деле приуральских племён эпохи раннего железа актуальны до сих пор. Однако после его исследований археологическая наука в Приуралье пополнилась новыми материалами раскопок, свежими теориями и гипотезами, которые могут разнообразить представление по исследуемой проблеме.

К сожалению, оружие само по себе исключает какие-либо прямые и косвенные свидетельства о характере боевых действий, тактике, стратегии и прочих аспектах военного дела в Приуралье в эпоху раннего железа. Археолог располагает только определёнными артефактами из конкретного погребения или погребений. Последнее обстоятельство весьма затрудняет понимание поставленного вопроса, так как точных данных о функциональности оружия, его употреблении, а также сочетании друг с другом нет.

Одна из последних работ на данную тему была опубликована С. Э. Зубовым в 2012 г. [2, с. 108]. Однако касалась она, в большей степени, ранжирования кара-абызского войска – южных соседей пьяноборской культуры. С помощью статистических подсчётов, а также балльной системы Л. Гуттмана исследователю удалось выделить оружейные наборы самого крупного и наиболее исследованного могильника эпохи раннего железа на Южном Урале – Охлебининского [Там же, с. 117]. Использованная методика позволила определить оружейные наборы воинов кара-абызской культуры, а также воинские специализации [Там же, с. 122]. Отметим, что теоретические выкладки указанной работы никем не опровергнуты, а использованная методика универсальна по отношению к любому могильнику.

В некоторой степени можно согласиться с В. А. Ивановым [1, с. 69], Б. Б. Агеевым [3, с. 96] и С. Э. Зубовым [2, с. 108] в том, что оружие в погребении должно отражать специализацию воина, а также его положение в обществе. Попадание случайной вещи в жестко-детерминированную погребальную практику практически исключается исследователями [4, с. 14]. Однако нас интересует не социальная реконструкция, а именно определение оружейных наборов пьяноборских племён и связанные с ними статистические закономерности.

Поэтому так же, как и в случае с предметами вооружения Охлебининского могильника, анализ оружия пьяноборской культуры, находящегося в погребениях Юлдашевского могильника, должен привести нас к пониманию военной культуры пьяноборского общества.

Методология и методы исследования. В данной работе применяются несколько методов, типичных для археологических исследований. Во-первых, проведено статистическое наблюдение изучаемых материалов, то есть учтены все предметы вооружения из погребений Юлдашевского могильника. Во-вторых, с помощью метода статистических группировок стала возможной классификация предметов вооружения. В-третьих, применение метода обобщающих статистических показателей позволило охарактеризовать оружейные наборы Юлдашевского могильника, а также показать взаимосвязь между отдельными находками оружия из воинских комплексов.

Кроме того, в статье используется метод хронологии, благодаря которому удалось установить хронологические рамки для некоторых погребений с вооружением Юлдашевского могильника.

Сравнительно-исторический метод используется в работе для сравнения оружейного набора пьяноборской, её южного соседа – кара-абызской археологической культуры.

Результаты исследования и их обсуждение. Могильник находится на правом берегу р. Сюнь, на северной окраине бывшей деревни Нижнее Юлдашево Илишевского района Республики Башкортостан. Впервые упомянут в отчёте В. Ф. Генинга 1958 г. Опираясь на сведения В. Ф. Генинга, в 1970 г. А. Х. Пшеничнюк заложил раскоп и вскрыл 50 погребений. В 1971 г. раскопки продолжились, удалось выявить уже 81 погребение. Общая исследованная площадь составила 800 м^2 [5, с. 45]. А. Х. Пшеничнюком отмечено, что могильник почти полностью раскопан. Данное обстоятельство требует уточнения, так как на имеющемся плане раскопа часть погребений упирается в его стенки, а автором раскопок предположено захоронение около 200 чел. [Там же, с. 46–47].

Выбор данного памятника в качестве объекта исследования объясняется тем, что Юлдашевский могильник относится к могильникам с представительным составом предметов вооружения. Р. Д. Голдина относит его к могильникам с повышенным содержанием оружия [6, с. 59]. С этим утверждением сложно не согласиться. В первую очередь, в Юлдашевском могильнике встречен практически весь ассортимент оружия, а также конская амуниция, характерная для пьяноборской культуры: наконечники стрел из всех известных видов материала, наконечники копий, кинжалы, боевые ножи, конская узда.

На 131 погребение приходится 28 погребений с предметами вооружения. Фактически четвёртая часть погребённых была вооружена. Для сравнения, в Ныргындинском I могильнике из 323 погребений выделяется всего 14 комплексов с оружием [7, с. 12–39]. Вместе с этим, оружие и снаряжение представлено небольшим количеством наконечников стрел, боевых ножей и конской узды [Там же].

Хронология погребений Юлдашевского могильника неоднозначна. А. Х. Пшеничнюк предлагает соотносить полученные артефакты с III в. до н. э. по I в. н. э. Причём на раннюю дату указывает наличие бронзовых наконечников стрел. В специальной литературе их исчезновение из инвентаря стало своеобразным хрономаркером [5, с. 73]. Поздние типы бронзовых наконечников стрел у кочевников-сармат, бывших в ходу и у пьяноборских племён, датируются III–II вв. до н. э. [8, табл. 14, 15]. Автором раскопок показано, что повсеместное господство железных наконечников стрел у сармат наступает с конца II по I в. до н. э. [5, с. 82].

О постепенном снижении к III в. до н. э. количества бронзовых наконечников стрел в колчанных наборах сармат писал и А. С. Скрипкин. Анатолий Степанович утверждает, что во II в. до н. э. они совершенно исчезают [9, с. 139, 171].

Немногим позднее Б. Б. Агеев усомнился в однозначности датировки Юлдашевского могильника. По его мнению, бронзовые наконечники стрел не выступают надёжным хронологическим указателем пьяноборских древностей, так как их использование местным населением могло растянуться вплоть до первых веков н. э. [3, с. 74]. Исходя из особенностей планиграфии могил с бронзовыми наконечниками стрел, а также состава погребального инвентаря, могильник продатирован им в пределах I в. до н. э. – II в. н. э. [Там же].

Требуется отметить, что с концепцией «запаздывания» бронзовых наконечников стрел в пьяноборье согласны А. А. Красноперов [10, с. 92], С. Э. Зубов и Р. Р. Саттаров. Их совместные исследования Кипчаковского I курганно-грунтового могильника показали, что между погребениями с бронзовыми и железными наконечниками стрел лежит группа погребений, в колчанных наборах которых фиксируются и бронзовые, и железные наконечники стрел [11, с. 213]. А одно из погребений, где сочетаются оба вида наконечников стрел (бронза – железо), датируется рубежом эр [Там же].

В Юлдашевском могильнике из 131 погребения выделено 28 с оружием и конской уздой. К сожалению, костяки не подвергались антропологическому анализу, поэтому однозначно говорить об их половой принадлежности не представляется возможным. Тем не менее, состав погребального инвентаря позволил А. Х. Пшеничнюку условно поделить погребения на мужские и женские.

Предметы вооружения и конской узды представлены следующими артефактами: копьями (рис. 1: 1–4), боевыми ножами (рис. 2: 1–3), кинжалами (рис. 3: 1–2), наконечниками стрел (рис. 4: 1–26), удилами и псалиями (рис. 3: 3–7). Защитного вооружения не обнаружено.

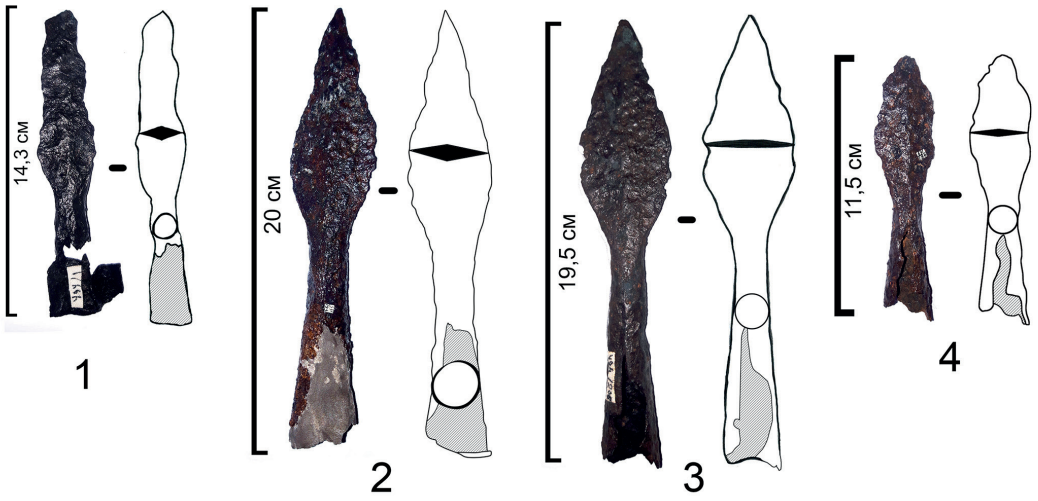

Рис. 1. Наконечники копий Юлдашевского могильника: 1 – п. № 2; 2 – п. № 60; 3 – п. № 36; 4 – п. № 64; 1–4 железо

Fig. 1. Spearheads of the Yuldashevsky burial ground: 1 – burial № 2; 2 – burial № 60; 3 – burial № 36; 4 – burial № 64; 1–4 iron

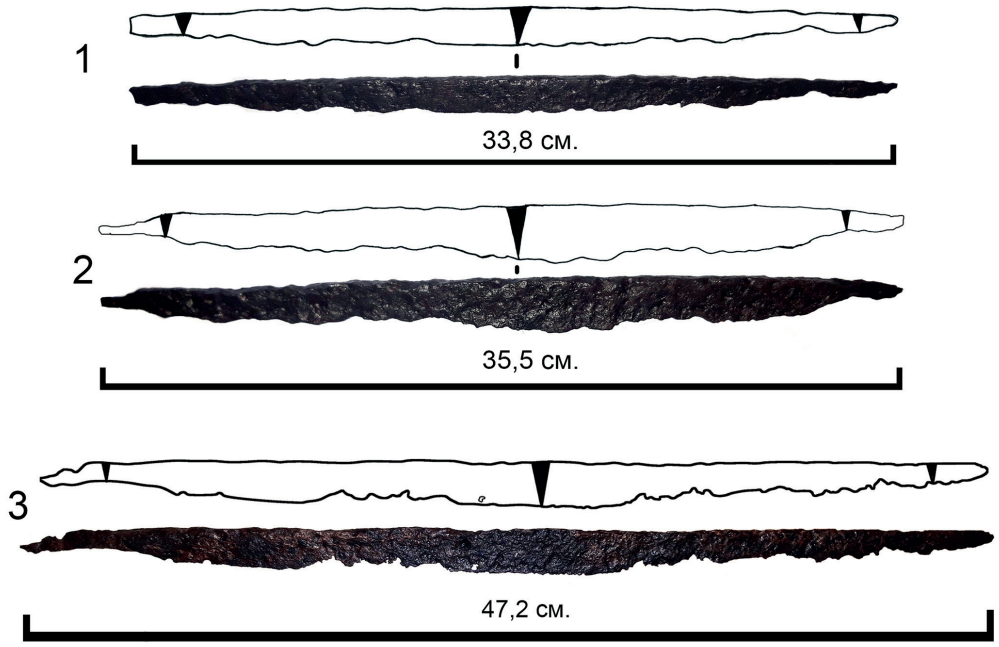

Рис. 2. Боевые ножи Юлдашевского могильника: 1 – п. № 3; 2 – п. № 4; 3 – п. № 38; 1–3 железо

Fig. 2. Combat knives of the Yuldashevsky burial ground: 1 – burial № 3; 2 – burial № 4; 3 – burial № 38; 1–3 iron

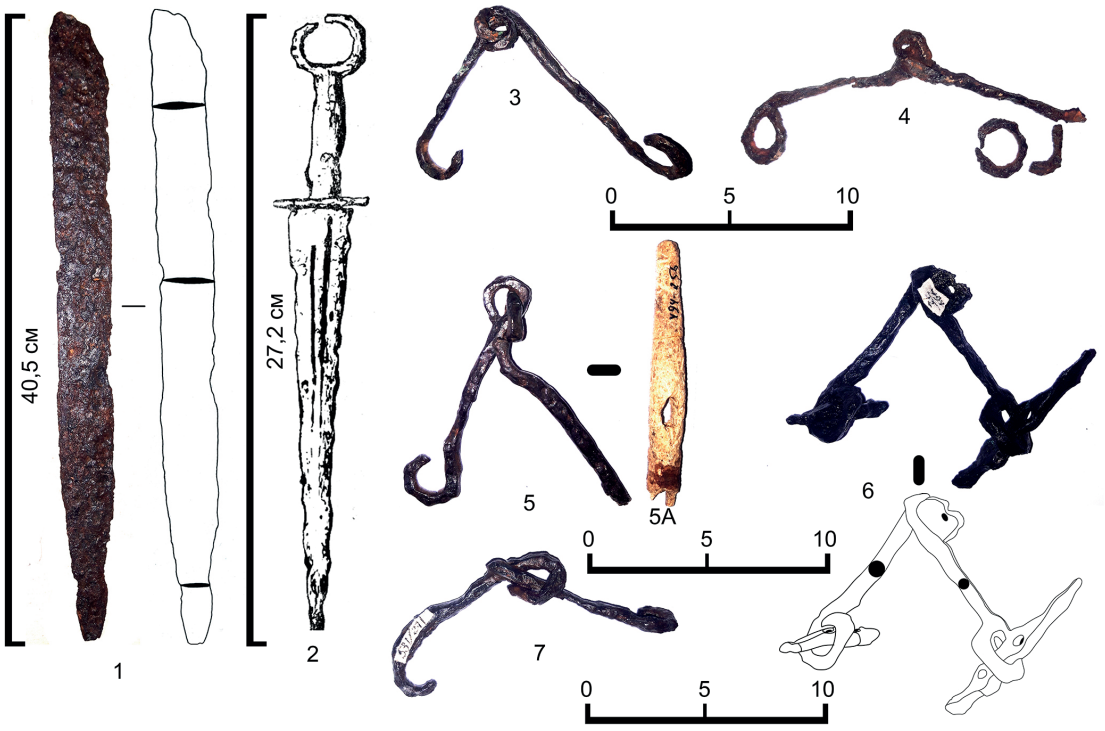

Рис. 3. Кинжалы и конская узда Юлдашевского могильника: 1 – п. № 75; 2 – п. № 85; 3 – п. № 36; 4 – п. № 75; 5 – п. № 47; 6 – п. № 2; 7 – п. № 69; 1–7 – железо; 5А – кость

Fig. 3. Daggers and a horse bridle of the Yuldashevsky burial ground: 1 – burial № 75; 2 – burial № 85; 3 – burial № 36; 4 – burial № 75; 5 – burial № 47; 6 – burial № 2; 7 – burial № 69; 1–7 – iron; 5A – bone

Количественные данные погребений с присутствующим в них оружием свидетельствуют о фактах, представленных в табл. 1.

Таблица 1

Количество предметов вооружения и воинской амуниции в погребениях Юлдашевского могильника

Предмет вооружения	***Общее количество***	***% от всего количества предметов вооружения****	***Количество погребений***
Наконечник копья	10 экз.	3,53	10
Конская узда	12 экз.	4,22	12
Боевой нож	10 экз.	3,53	10
Кинжал	2 экз.	0,70	2
Наконечники стрел	250 экз.	88,02	26
В том числе			
Костяные наконечники стрел	138 экз.	48,7	19
Железные наконечники стрел	86 экз.	30,27	14
Бронзовые наконечники стрел	26 экз.	9,25	5
Всего	*284 экз.*	*100 %*	*60 экз.*
* Проценты округлены в пользу целостности числа			

Основной массив предметов вооружения – наконечники стрел. Они присутствуют в 26 из 28 погребений с оружием. Эта закономерность делает лук самым популярным видом вооружения у населения, оставившего Юлдашевский могильник. Отметим, что в некоторых случаях в погребении содержатся только наконечники стрел (табл. 3).

Наиболее используемыми являлись костяные наконечники стрел (рис. 4: 11–19). На 28 погребений приходится 19 костяков, у которых в колчанах присутствуют костяные наконечники стрел. Следующими по количеству идут железные и бронзовые наконечники стрел (табл.1).

Наконечников копий и боевых ножей найдено в одинаковом количестве – по 10 экз. Причём в двух погребениях (п. № 60 и 64) наконечники копий выступали единственным предметом вооружения, что ука-

зывает на самостоятельность и значимость копья как вида вооружения. Такая же картина наблюдается и в погребениях со стрелами. Этого не скажешь о боевых ножах и кинжалах, которые на данном могильнике всегда фиксируются совместно с каким-либо другим видом оружия. Скорее всего, они играли вспомогательную роль. Учитывая, что и боевые ножи, и кинжалы сосредоточены вместе с наконечниками стрел (табл. 3), вероятно, главной задачей вооружённого воина было удержать или поразить цель на расстоянии и при необходимости воспользоваться оружием ближнего боя.

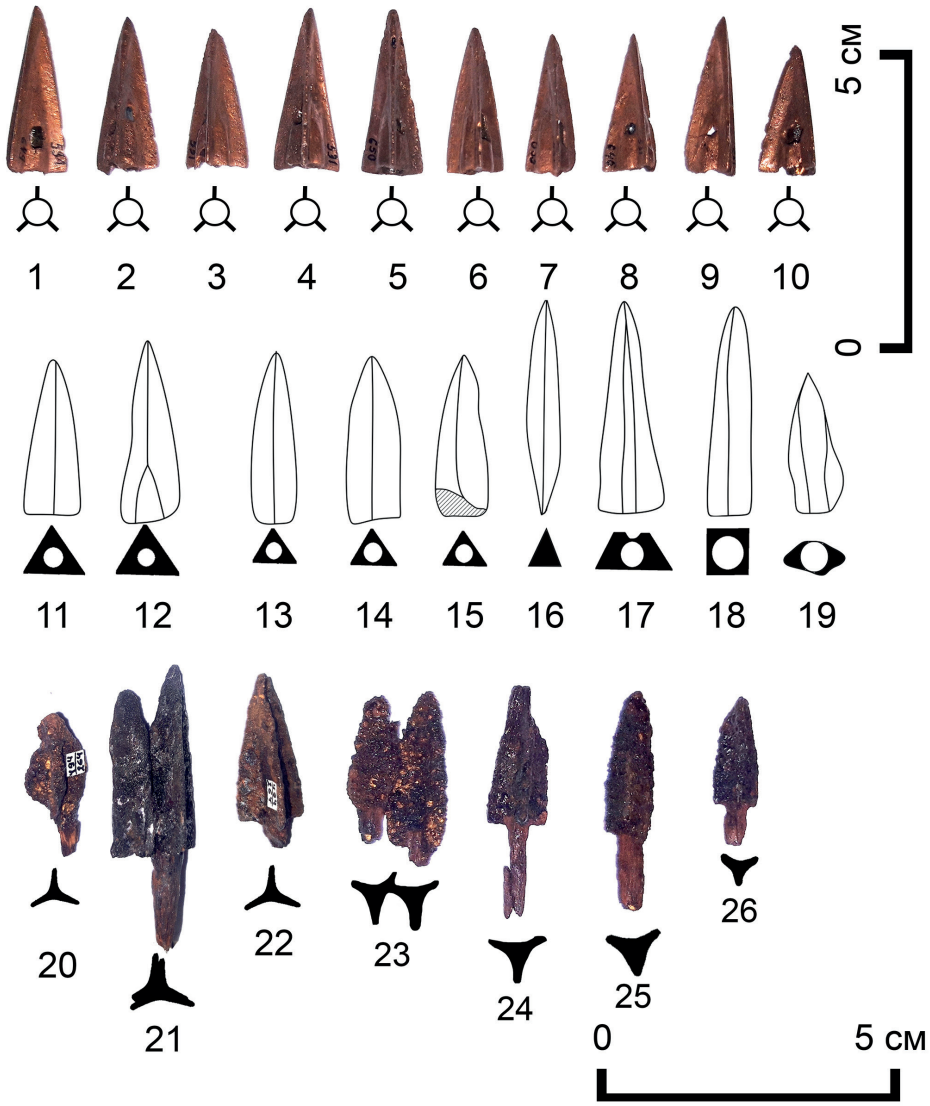

Рис. 4. Наконечники стрел из погребений Юлдашевского могильника:
1–10 – п. № 128; 11–15 – п. № 32; 16 – п. № 30; 17–18 – п. № 91; 19 – п. № 24; 20–22 – п. № 47; 23–26 – п. № 59; 1–10 – бронза; 11–19 – кость; 20–26 – железо

Fig. 4. Arrowheads from the burials of the Yuldashevsky burial ground:
1–10 – burial № 128; 11–15 – burial № 32; 16 – burial № 30; 17–18 – burial № 91; 19 – burial № 24; 20–22 – burial № 47; 23–26 – burial № 59; 1–10 – bronze; 11–19 – bone; 20–26 – iron

Конская узда обнаружена только с костяками, в инвентаре которых есть либо предметы ближнего, либо дальнего боя. В то же время, находки конской узды в некрополях пьяноборской культуры нельзя соотносить исключительно с комплексом вооружения. Например, в п. № 222 и 305 могильника Ныргында I узда вообще обнаружена с элементами костюма [7, с. 29, 37]. Аналогичная ситуация характерна и для погребе-

ний I–II вв. н. э. Тарасовского могильника: п. № 610, 611, 688, 1059 и др. [12, с. 260, 293, 436].

Наименее популярным оружием являлся кинжал, так как кинжалы эпохи железа на Южном Урале являются типично сарматским оружием и широкого распространения в пьяноборской культуре не получили. На все известные могильники приходится 11 находок кинжалов разных типов. Чего не скажешь о гораздо большей распространённости боевых ножей.

К сожалению, кинжал из п. № 75 идентифицируется только по отчётным данным: с плохо сохранившимся прямым перекрестием и, по-видимому, кольцевым навершием (рис. 3: 1) [5, с. 63]. Описать его не представляется возможным, поэтому в работе он учитывается только как количественный показатель. С другой стороны, кинжал из п.№85 имеет кольцевое навершие, прямое брусковидное перекрестие и прямую рукоять. Особенностями данного кинжала являются его вытянуто-треугольный клинок, на поверхности которого фиксируются два дола, идущих от перекрестия и заканчивающихся у начала нижней трети клинка (рис. 3: 2).

Так или иначе, кинжалы с кольцевым навершием и прямым перекрестием получают наибольшее распространение в среднесарматской культуре. Самые поздние находки датируются концом II – началом III в. н. э. [9, с.123–125].

Наконечники стрел в колчанах представлены: 1) только костяными – 10 погребений; 2) только железными – 3 погребения; 3) только бронзовыми – 2 погребения; 4) костяными и железными с преимуществом костяных – 4 погребения; 5) костяными и железными с преимуществом железных – 4 погребения; 6) железными и бронзовыми в равном количестве – 1 погребение; 7) бронзовыми, железными и костяными с преобладанием последних – 2 погребения (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение видов наконечников стрел в колчанах

Номер погребения	*Бронзовые наконечники стрел (в ед.)*	*Железные наконечники стрел (в ед.)*	*Костяные наконечники стрел (в ед.)*	*Количество наконечников стрел*
79	-	1	-	1
99	-	-	1	1
130	1	-	-	1
3	-	2	-	2
69	-	-	2	2
42	-	-	3	3
4	-	-	4	4
16	2	2	-	4
76	-	-	4	4
9	-	-	5	5
32	-	-	5	5
75	-	1	5	6
118	2	1	4	7
91	-	-	10	10
38	-	7	4	11
85	1	3	7	11
47	-	3	10	13
107	-	7	6	13
100	-	-	14	14
36	-	-	15	15
70	-	12	3	15
59	-	13	5	18
66	-	1	18	19
128	20	-	-	20
2	-	23	-	23
68	-	10	13	23

В количественном соотношении преобладают колчаны до 10 наконечников стрел – 13 погребений; 10–20 наконечников стрел – 11 погребений; более 20 наконечников стрел – 2 погребения (табл.2). Причём погребения с наибольшим количеством наконечников стрел – № 2 и 68 – диаметрально противоположны друг другу по качественному составу сопутствующих предметов вооружения. Кроме наконечников стрел в погребении № 2 обнаружены: рамчатая пряжка, боевой нож, нож, умбоновидная пряжка, 3 бронзовые обоймочки, железные удила со стержневыми псалиями, наконечник копья, круглые пластинчатые пряжки. С другой стороны, погребение № 68 не так богато на количество сопутствующих находок. Вместе с наконечниками стрел там найдены только 3 бронзовые обоймочки и 2 пластинчатые пряжки.

Что касается древкового оружия, то оно представлено наконечниками копий в количестве 10 экземпляров. Как уже говорилось ранее, копьё могло выступать как самостоятельным видом вооружения (п. № 60 и 64), так и в совокупности с боевым ножом, луком, уздой (п. № 2, 3, 36, 59, 69, 70, 75, 128) (табл. 3).

Как и лук со стрелами, копьё можно считать универсальным орудием. Полифункциональность копья заключается в удержании и поражении противника на расстоянии. А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова полагают, что для копья как боевого оружия важно было вывести противника из строя любым способом. Если говорить об охоте, то здесь необходимо обязательно убить зверя, чтобы избежать поисков подранка [13, с. 69]. Более того, в местах преимущественного проживания крупной дичи, а это лесная и лесостепная зоны, длина копья должна была быть максимально приемлемой как для поражения врага или добычи на расстоянии, так и для продуктивного использования копья в условиях плотной залесенности территории.

Свидетельства применения копья на охоте сохранились в разных изобразительных и письменных источниках. На кинжале VIV вв. до н. э. из кургана № 4 погребения № 2 Филипповского комплекса, сохранилась сцена охоты, где изображён всадник, пронзающий копьём кабана [14, с. 98]. В галерее Дориа-Памфили г. Рима сохранился саркофаг, датирующийся 170–180 гг. н. э., где изображён миф о Мелеагре. Одним из центральных сюжетов композиции является охота с копьём на кабана [15, с. 312].

В трактате древнегреческого философа Ксенофонта (V-IV вв. до н. э.) «Синегетика» сказано, что копья для охоты на кабана должны иметь широкие, острые наконечники, длиной с пять ладоней [16, с. 73]. На римской чаше из музея Бонна зафиксирована сцена охоты, где всадник, вооружённый копьем, преследует кроликов [17, с. 15]. Копьё применялось и гладиаторами-венаторами в боях на арене. Об этом свидетельствует одна из мозаик Большого дворца в Константинополе [18, рис. 107]. Найдена мозаика с изображением всадника-копьеносца, охотящегося на оленей [19, рис. 18].

Данные этнографии также демонстрируют то, что копьё являлось одним из самых распространённых видов оружия у охотников. Цель применения копья на охоте – поражение крупного зверя.

В охоте на медведя тунгусы, маньчжуры и нивхи упирали основание древка копья под углом в землю, придерживая ступнёй. Медведь фактически сам убивал себя, наваливаясь всем телом на остриё [20, с. 65–66].

Амурские нанайцы представляли себе хозяина лесов и гор Онку в виде человека средних лет, живущего среди скал в горах или местах с каменистыми россыпями. Вооружён Онку копьём, стрелами и пешнёй [21, с. 39].

При исследовании встречаемости определённых видов вооружения и конской узды в погребениях выделяются следующие наборы (табл. 3): 1) лук; 2) узда+лук+копьё+боевой нож; 3) узда+лук+боевой нож; 4) узда+лук+копьё; 5) лук+копьё+боевой нож; 6) копьё; 7) узда+лук+копьё+кинжал; 8) узда+лук+кинжал; 9) узда+лук; 10) лук+-боевой нож.

Таблица 3

Распределение предметов вооружения по погребениям Юлдашевского могильника

Номер погребения	*Узда*	*Лук*	*Копьё*	*Боевой нож*	*Кинжал*
9	-	+	-	-	-
32	-	+	-	-	-
42	-	+	-	-	-

Окончание табл. 3

Номер погребения	*Узда*	*Лук*	*Копьё*	*Боевой нож*	*Кинжал*
66	-	+	-	-	-
68	-	+	-	-	-
91	-	+	-	-	-
99	-	+	-	-	-
100	-	+	-	-	-
107	-	+	-	-	-
118	-	+	-	-	-
130	-	+	-	-	-
16	+	+	-	-	-
60	-	-	+	-	-
64	-	-	+	-	-
36	+	+	+	-	-
59	+	+	+	-	-
38	+	+	-	+	-
76	-	+	-	+	-
4	+	+	-	+	-
47	+	+	-	+	-
79	-	+	-	+	-
85	+	+	-	-	+
3	-	+	+	+	-
128	-	+	+	+	-
2	+	+	+	+	-
69	+	+	+	+	-
70	+	+	+	+	-
75	+	+	+	-	+

Наиболее стабильный результат даёт набор, состоящий просто из лука – 11 погребённых. Четырём другим погребённым присущ набор, состоящий из удил, лука и боевого ножа. Ещё для трёх характерным является набор, включающий удила, лук, копье и боевой нож. На 10 остальных костяков приходится целых 7 оружейных наборов.

Данные табл. № 4 демонстрируют: 1) «полный набор» вооружения пьяноборского мужчины, погребённого в Юлдашевском могильнике – это удила, лук, копьё и боевой нож; 2) в 9 из 10 оружейных наборов фиксируются наконечники стрел – то есть лук; 3) проявляются два самостоятельных предмета вооружения – лук и копьё; 4) набор вооружения почти каждого третьего погребённого отличался друг от друга; 5) в 6 из 10 наборов встречается конская узда. Последний пункт вызывает наибольший интерес, так как 11 погребённых из 28 могли быть всадниками. При этом каждый из всадников был обязательно вооружён луком. Из 17 условно пеших воинов 15 были также вооружены луком. Таким образом, лук почти одинаково широко использовался как всадниками, так и пешими воинами.

Таблица 4

Соотношение оружейных наборов Юлдашевского могильника

№ п/п	*Набор*	*Всего погребений*	*% от общего количества погребений с предметами вооружения*
1	Лук	11	39,28
2	Узда+лук+копьё+боевой нож	3	10,73
3	Узда+лук+боевой нож	3	14,29
4	Узда+лук+копьё	2	7,14
5	Лук+копьё+боевой нож	2	7,14
6	Копьё	2	7,14
7	Узда+лук+копьё+кинжал	1	3,57

Окончание табл. 4

№ п/п	Набор	Всего погребений	% от общего количества погребений с предметами вооружения
8	Узда+лук+кинжал	1	3,57
9	Узда+лук	1	3,57
10	Лук+боевой нож	1	3,57

Хронология погребений с предметами вооружения Юлдашевского могильника также требует детального осмысления. В первую очередь нужно отметить, что в специальной литературе [8] устоялась точка зрения о смене бронзовых наконечников стрел на железные в пределах III–II вв. до н. э. [22, с.95]. Последние исследования О. И. Куринских по колчанным наборам из могильника Покровка также подтверждают эту дату [23, с. 51]. Однако, как отмечалось ранее, Б. Б. Агеевым логично обосновано, что смена наконечников стрел с бронзовых на железные могла запаздывать [3, с. 74]. С этой точкой зрения солидарен и Р. Р. Саттаров. Совместно с С. Э. Зубовым на материалах Кипчаковского I могильника ими было доказано, что бронзовые наконечники стрел в пьяноборской культуре могли доживать до рубежа эр. [24, с. 76].

Погребения только с бронзовыми наконечниками стрел фиксируются в юго-восточной части могильника, вплотную друг к другу: № 128 и 130 (рис. 5). Их можно отнести к самым ранним. К переходному времени – рубеж эр – относятся п. № 16, 85 и 118. В полутора метрах от п. № 128 и 130 находится погребение № 118, где в колчане есть и бронзовые, и железные наконечники стрел (рис. 5). У западного края раскопа расположено п. № 85, где вообще найдены все виды наконечников стрел. Оно также относится к переходному времени.

В погребении № 118 найдена круглорамчатая бесщитковая железная пряжка с подвижным язычком. Её упоминание здесь не случайно, так как хронологические рамки появления этих пряжек определены Р. Д. Голдиной I в. н. э. по аналогии с Кавказом [7, с. 64]. Вероятно, такая датировка преждевременна, так как круглорамчатые железные пряжки с подвижным язычком известны и в памятниках позднего этапа скифской культуры и отнесены к концу IV – первой половине III в. до н. э. [25, с. 208]. Начало их широкого распространения отнесено Н. Е. Берлизовым к концу II – середине I в. до н. э. [26, с. 176]. Соседние погребения не дают выразительного в хронологическом плане инвентаря, планиграфически п. № 118 ближе к погребениям только с бронзовыми наконечниками стрел, что может натолкнуть на мысли о его удревнении, но не омоложении.

Сложность описанной ранее ситуации добавляет нахождение в п. № 16 бронзовых, и железных наконечников стрел вместе с ажурной круглой пластинчатой сюльгамой [5, рис. 4: 23]. Она же датирована В. Ф. Генингом, как и все сюльгамы, I–II вв. [27, табл. VI-2]. Такая же была обнаружена в могильнике Чеганда II и близкие ей известны также из Ныргындинского I и Ново-Сасыкульского могильников [7, с. 53].

Малая хронологическая информативность набора погребального инвентаря вообще не позволяет установить точную хронологию для следующих многих погребений с оружием: № 2, 3, 38, 47, 59, 66, 68, 70, 75, 79 и 107. Тем не менее, они из-за наличия в некоторых из них железных наконечников стрел не могут датироваться раньше I в. до н. э. Необходимо обратить внимание на то, что большинство из них находятся в северо-западной части могильника. Лишь одно – п. № 107 – по планиграфии находится между погребением переходного времени (№ 118) и погребениями с железными наконечниками стрел (рис. 5).

В некоторых случаях хронологические рамки погребений с вооружением могут быть растянуты на несколько веков. Особенно это касается погребений, в которых найдены бронзовые пряжки с неподвижным крючком. Например, в п. № 4 встречена застёжка с неподвижным крючком, относящимся к типу 2 (I в. н. э.) по Р. Д. Голдиной [28, с. 155]. Однако бронзовые застёжки с неподвижным крючком появились в Прикамье в I в. до н. э. и использовались вплоть до II в. н. э. [29, с.46].

Точные хронологические рамки удалось установить для погребений № 64 и 75. В них найдены: а) п. № 64 – бусина из стекла с металлической прокладкой (тип 4 по Р. Р. Саттарову) – I–II в. н. э. [24, с. 114]; б) стеклянная бусина усечённо-биконической формы из глухого голубого стекла в п. № 75 – I в. н. э. [Там же].

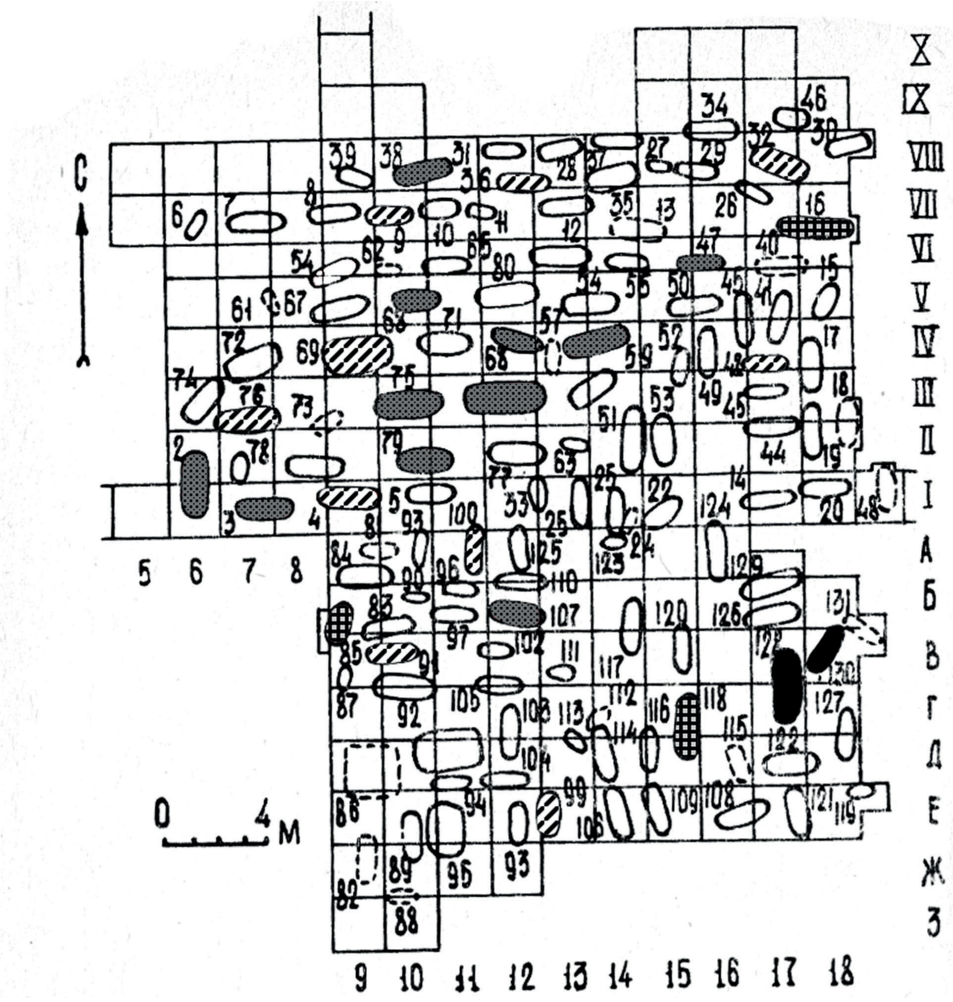

Рис. 5. Планиграфия погребений с предметами вооружения в Юлдашевском могильнике. А. Цветом отмечены: черным – погребения раннего времени (с бронзовыми наконечникам стрел); в черно-белую клетку – погребения переходного периода (бронзовые и железные наконечники стрел); в темно-серую клетку – погребения заключительного этапа существования могильника (только с железными наконечниками стрел). План составлен А. Х. Пшеничнюком

Fig. 5. Planigraphy of burials with weapons in the Yuldashevsky burial ground. A. Marked in color: black - early burials (with bronze arrowheads); black and white checkered burials of the transition period (bronze and iron arrowheads); in a dark gray cage - burials of the final stage of the burial ground (only with iron arrowheads). The plan was drawn up by A. Kh. Pshenichnyuk

Из всего вещевого инвентаря п. № 85 наиболее показательным в качестве хроно-индикатора является бронзовая умбоновидная пряжка с дужкой, которая, по мнению В. Ф. Генинга, относится к I в. н. э. [29, рис. 20: 51]. Этой датировке не противоречат последние теоретические выкладки Р. Д. Голдиной и В. А. Бернц на данную тему [30, рис. 6: 1].

Таким образом, погребения № 128 и 130 можно отнести к самым ранним погребениям с предметами вооружения Юлдашевского могильника. Для них характерно наличие бронзовых наконечников стрел, боевого ножа и копья. К погребениям переходного времени относятся № 16, 85 и 118. В них встречаются принадлежности конской упряжи, лук и кинжал. Основная часть остальных погребений концентрируется ближе к северо-западной части могильника и связана с последним этапом его существования. Об этом факте может говорить концентрация могил вокруг погребений, где в колчанах присутствуют только железные наконечники стрел (рис. 5). С этой группой погребений связаны все известные виды вооружения Юлдашевского могильника, а также и «полный набор вооружения», что отмечалось ранее.

Планиграфия погребений с предметами вооружения также показала, что могильник расширялся от юго-восточного угла

к северо-западному (рис. 5). Одной из особенностей Юлдашевского могильника является то, что мужские погребения составляют значительную часть всех погребений в северо-западной части некрополя.

Заключение. Таким образом, статистические данные говорят об отсутствии специализированных воинов у группы пьяноборского населения, оставившей данный некрополь. Большая часть из погребённых сопровождается разнообразными набором вооружения. У 11 погребённых фиксируется устойчивый набор вооружения, состоящий только из лука. В остальных случаях наблюдаются единичные сочетания копья, лука, кинжала, узды и боевого ножа. При этом на 131 погребение приходится всего 28 погребений с вооружением, которые и без того растянуты хронологически. Эти же материалы свидетельствуют о существенном отличии пьяноборского комплекса вооружения от сарматского: отсутствие мечей и единичность кинжалов. Не следует исключать наличия в пьяноборской среде предметов вооружения, которые могли не сохраниться до нашего времени: деревянные дубины, рогатины и т. д.

Похоже на то, что половина из погребённых в Юлдашевском могильнике были простыми охотниками, которые немногим могли противостоять возможному противнику. Таким противником, судя по работам Д. Г. Бугрова, вполне могли происходить локальные конфликты внутри пьяноборского общества. Материалы Тойгузинского II городища наглядно продемонстрировали массовое применение пьяноборских костяных наконечников стрел, направленных против своих же воинов [31, с. 136]. Со стороны степи в это время наблюдается относительная стабильность, связанная с уходом кочевников с территории дёмско-бельского языка [32, с. 376].

Похожая ситуация относительно популярности конкретных предметов вооружения наблюдается в оружейных наборах кара-абызской археологической культуры. Из 635 погребений Охлебининского могильника выделено 200 с предметами вооружения [2, с. 109]. Располагая гораздо большей выборкой, С. Э. Зубов доказал, что среди кара-абызцев луком пользовались также почти все погребённые мужчины [Там же, с. 110]. Далее по популярности идет копье – встречается в более чем в половине воинских могил. Погребения с удилами составляют 39,5 % (79 п.) от всех погребений с оружием. Следующими по массовости идут боевые ножи – 38 погребений из 200. Остальные предметы клинкового оружия – мечи, кинжалы и палаши представлены крайне незначительно [Там же, с. 108–116]. Разумеется, корректнее было бы сравнивать оружейные наборы пьяноборской культуры на примере материалов Тарасовского и Охлебининского или Кушулевского III и Ново-Сасыкульского могильников. Однако анализ оружейных наборов даже такого сравнительного небольшого некрополя как Юлдашевский показал: 1) популярность лука у пьяноборцев была такой же, как и у кара-абызцев; 2) распространение удил среди погребений с оружием примерно соответствует пропорции 1:3; 3) копья имели большее распространение в кара-абызской среде; 4) боевые ножи встречаются в мужских погребениях с вероятностью 1:5; 5) количество кинжалов также незначительно – 6 экз. [Там же, с. 117–122].

Список литературы

1. Иванов В. А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.: Наука, 1984. 87 с.

2. Зубов С. Э. О военной структуре среднебельских племён раннего железного века (по материалам Охлебининского могильника) // Уфимский археологический вестник. 2012. Вып. 12. С. 108–123.

3. Агеев Б. Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.

4. Рындина О. М., Боброва А. И., Ожередов Ю. И. Ханты салымского края: культура в археолого-этнографической ретроспективе. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. 412 с.

5. Пшеничнюк А. Х. Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой: сб. науч. ст. / отв. ред. А. Х. Пшеничнюк. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1986. С. 45–94.

6. Голдина Р. Д., Сабиров Т. Р., Сабирова Т. М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Казань; Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2015. Т. 3. 297 с.

7. Голдина Р. Д., Красноперов А. А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2012. 364 с.

8. Мошкова М. Г. О раннесарматских втульчатых стрелах // Краткие сообщения института археологии. 1962. № 89. С. 77–82.

9. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1990. 300 с.

10. Красноперов А. А. К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к констатации ответа // Археология евразийских степей. 2009. Вып. 10. С. 92–105.

11. Зубов С. Э., Саттаров Р. Р. Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребальных комплексов Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // XXI Уральское археологическое совещание: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / под ред. А. А. Выборнова. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 210–214.

12. Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Ижевск: Ижевская респ. тип., 2003. Т. 2. 722 с.

13. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Орудия охоты средневекового Предуралья (археологический очерк) // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2017. № 3. С. 66–80.

14. Яблонский Л. Т. Сокровища сарматских вождей (материалы раскопок Филипповских курганов). Оренбург: Димур, 2008. 144 с.

15. Lorenz K. The death of Meleager on Roman sarcophagi. In: Life, death and representation: some new work on Roman sarcophagi // Millenium-Studien. 2011. No. 2. Pp. 305–332.

16. Xenophon, Cynegetica, X. Xenophon and Arrian On Hunting. Warminster: Aris & Phillips Ltd, 1999. 208 p.

17. Ginsburg M. Hunting scenes on Roman glass in the Rheinland. 1941. No. 2. Pp. 3–31.

18. Westbrook B. An Architectural Interpretation of the Early Byzantine Great Palace in Constantinople, from Constantine I to Heraclius. Dr. phil. sci. diss. Perth, 2013.

19. Trilling J. The Soul of the Empire: Style and Meaning in the mosaic pavement of the Byzantine Imperial Palace in Constantinople // Dumbarton oaks paper. 1989. Vol. 43. Pp. 27–72.

20. Гвоздев Р. В. Традиционное оружие ближнего боя у тунгусо-маньчжуров и нивхов (по материалам середины XIX–XX вв.) // Siberian Studies. 2014. Vol. 2. Pp. 63–79.

21. Старцев А. Ф. Этнические представления тунгусо-манчжуров о природе и обществе. Владивосток: Дальнаука, 2017. 232 с.

22. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.

23. Куринских О. И., Куринских О. И. Наконечники стрел ранних кочевников Левобережного Илека VI–I вв. до н. э. (по материалам могильников у с. Покровка) // Российская археология. 2011. № 3. С. 42–54.

24. Саттаров Р. Р. Импортные предметы в пьяноборской культуре (конец II в до н. э. – II в. н. э.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.06. Казань, 2019. 324 с.

25. Пеляшенко К. Ю. Древности III-I вв. до н. э. лесостепного Подонцовья // Археологія і давня історія України. 2018. Вип. 2. С. 204–218.

26. Берлизов Н. Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н. э. – V в. н. э. Краснодар: КГУКИ: Парабеллум, 2011. 320 с.

27. Генинг В. Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 2. Археологические памятники чегандинской культуры // Вопросы археологии Урала. 1971. Вып. 11. С. 1–158.

28. Голдина Р. Д. Застёжки с крючком Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2018. № 1. С. 150–177.

29. Генинг В. Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 1. Чегандинская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.) // Вопросы археологии Урала. 1970. Вып. 10. С. 3–224.

30. Голдина Р. Д., Бернц В. А. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 1. С. 41–89.

31. Бугров Д. Г. Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье: дис. … канд. ист. наук: 07.00.06. Казань, 2006. 351 с.

32. Овсянников В. В. Культурно-исторические процессы в лесостепном Предуралье в середине I тыс. до н. э. – середине I тыс. н. э. // Труды IV Всероссийского археологического съезда в Казани / отв. ред. А. Г. Ситдиков, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 375–377.

Статья поступила в редакцию 20.03.2021; принята к публикации 10.05.2021

Сведения об авторе

Лясович Всеволод Игоревич, научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального Исследовательского центра Российской академии наук; 450054, Россия, г. Уфа, пр-т Октября, 71 лит. У; e-mail: vsevolodlyasovich@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-4747-0926.

Библиографическое описание статьи

Лясович В. И. Погребения с вооружением и конской уздой Юлдашевского могильника в лесостепи Южного Приуралья // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 152–166. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-152-166.

References

1. Ivanov, V. A. Weapons and military affairs of the Finno-Ugric peoples of the Urals in the early iron era. M: Nauka, 1984. (In Rus.)

2. Zubov, S. E. On the military structure of the Middle Belian tribes of the early Iron Age (based on materials from the Okhlebininskiy burial ground). Ufa archaeological bulletin, vol. 12, pp. 108–123, 2012. (In Rus.)

3. Ageev, B. B. The Pyanobor culture. Ufa: BSC URD RAS, 1992. (In Rus.)

4. Ryndina, O. M., Bobrova, A. I., Ozheredov, Yu. I. Khanty of the Salym region: culture in an archaeological and ethnographic retrospective. Tomsk, TSU, 2008. (In Rus.)

5. Pshenichnyuk, A. H. Yuldashevskiy burial ground. In A. H. Pshenichnyuk edition. Archeological works in lower Belaya river: collection of scientific articles. Ufa: IHLL BDAS USSR, 1986: 45–94. (In Rus.)

6. Goldina, R. D., Sabirov, T. R., Sabirova, T. M. Funeral rite of the Tarasovsky burial ground IV centuries on the Middle Kama. Ch. III. Kazan, Izhevsk, Udmurt State University, 2015. (In Rus.)

7. Goldina, R. D., Krasnoperov, A. A. Nyrgyndinskiy I burial ground II–III AD on the middle Kama. Izhevsk, Udmurt university, 2012. (In Rus.)

8. Moshkova, M. G. About early Sarmatian socketed arrows. Brief reports of the Institute of Archeology, no. 89, pp. 77–82, 1962. (In Rus.)

9. Skripkin, A. S. Asian Sarmatia. Problems of chronology and its historical aspect. Saratov: publ. Saratov State University, 1990. (In Rus.)

10. Krasnoperov A. A. On the question of the chronology of the Pianobor culture: notes on the statement of the answer. Archeology of the Eurasian steppes, vol. 10, pp. 92–105, 2009. (In Rus.)

11. Zubov, S. E., Sattarov, R. R. Arrowheads of the Pianobor culture as chronological markers (based on materials from the burial complexes of the Kipchakov I Kurgan-ground burial ground). In A. A. Vybornov ed. XXI Ural Archaeological Meeting. Materials of the All-Russian scientific conference with international participation. Samara: Izd-vo SGSPU, 2018: 210–214. (In Rus.)

12. Goldina, R. D. Tarasovskiy burial ground I-V AD on the middle Kama. Ch. II. Izhevsk: Izhevskaya resp. tip., 2003. (In Rus.)

13. Belavin, A. M., Krylasova N. B. Hunting tools of the medieval Cis-Urals (archaeological sketch). Humanitarian aspects of hunting and game management, no. 3, pp. 66–80, 2017. (In Rus.)

14. Yablonskiy, L. T. Treasures of the Sarmatian leaders (Excavation materials of the Filippovskiye kurgans). Orenburg, Dimur, 2008. (In Rus.)

15. Lorenz, K. The death of Meleager on Roman sarcophagi. In: Life, death and representation: some new work on Roman sarcophagi. Millenium-Studien, no. 2, pp. 305–332, 2011. (In Engl.)

16. Xenophon, Cynegetica, X. Xenophon and Arrian on Hunting. Warminster: Aris & Phillips Ltd, 1999. (In Engl.)

17. Ginsburg M. Hunting scenes on Roman glass in the Rheinland, no. 2, pp. 3–31, 1941. (In Engl.)

18. Westbrook, B. An Architectural Interpretation of the Early Byzantine Great Palace in Constantinople, from Constantine I to Heraclius. Dr. phil. sci. diss. Perth, 2013. (In Engl.)

19. Trilling, J. The Soul of the Empire: Style and Meaning in the mosaic pavement of the Byzantine Imperial Palace in Constantinople. Dumbarton oaks paper, vol. 43, pp. 27–72, 1989. (In Engl.)

20. Gvozdev, R. V. Traditional melee weapons among the Tungus-Manchus and Nivkhs (based on materials from the middle of the 19th-20th centuries). Siberian Studies, no. 2, pp. 63–79, 2014. (In Rus.)

21. Startsev A. F. Ethnic views of the Tungus-Manchus about nature and society. Vladivostok: Dal'nauka, 2017. (In Rus.)

22. Hazanov A. M. Essays about the warfare of the Sarmatians. M: Science, 1971. (In Rus.)

23. Kurinskikh, O. I. Arrowheads of the early nomads of the Left Bank Ilek, 6th – 1st centuries. BC. (based on materials from burial grounds near the village of Pokrovka). Russian archeology, no. 3, pp. 42–54, 2011. (In Rus.)

24. Sattarov, R.R Imported items in the Pianobor culture (late 2nd century BC – 2nd century AD). Cand. hist. sci. diss. Krasnodar. Kazan, 2019. (In Rus.)

25. Pelyashenko, K. Yu. Antiquities of the III-I centuries. BC e. forest-steppe Podontsovye, no. 2, pp. 204–218, 2018. (In Rus.)

26. Berlizov, N. E. Rhythms of Sarmatia. Sauromato-Sarmatian tribes of southern Russia in VII v. BC. – V AD. Krasnodar: KGUKI, Parabellum, 2011. (In Rus.)

27. Gening, V. F. The history of the population of the Udmurt Kama region in Pianoborsk era. Ch. 2. Archeological objects of the chegandinskaya culture, vol. 11, pp. 1–158, 1971. (In Rus.)

28. Goldina, R. D. Clasps with a hook from the Tarasov burial ground. Volga archeology, no. 1, pp. 150–177, 2018. (In Rus.)

29. Gening, V. F. The history of the population of the Udmurt Kama region in Pianoborsk era. Ch. 1: Chegandinskaya culture (III BC – II AD.) Archeological issues of the Urals, vol. 10, pp. 3–224, 1970. (In Rus.)

30. Goldina, R. D., Bernc, V. A. Chronology of burials of the AD 1 – 2. Tarasovsky burial ground. Volga archeology, no. 1, pp. 41–89, 2016. (In Rus.)

31. Bugrov, D. G. Settlements of the Pianobor culture in the Iksko-Belsk interfluve. Cand. hist. sci. diss. Krasnodar. Kazan, 2006. (In Rus.)

32. Ovsyannikov, V. V. Cultural and historical processes in the forest-steppe Cis-Urals in the middle of the 1st millennium BC – the middle of the 1st millennium AD. In A. G. Sitdikov, N. A. Makarov, A. P. Derevyanko edition. Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan. Kazan, 2014: 375–377 (In Rus.)

Received: March 20, 2021; accepted for publication May 10, 2021

Information about author

Lyasovich Vsevolod I., Research Assistant, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Center, Russian Academy of Sciences; 8 lit.U, 71 Prospekt Oktyabrya, Ufa, 450054, Russia; e-mail: vsevolodlyasovich@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-4747-0926.

Reference to the article

Lyasovich V. I. Burials with Weapons and Horse Bridle of Yuldashevsky Burial Ground in the South Ural Region // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 3. PP. 152–166. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-152-166.